

ТОМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.
Цѣна годовому изданію пять руб-
лей серебромъ съ пересылкою.

№ 8.

Подписка принимается въ редакціи
Томскихъ епархіальныхъ вѣдомо-
стей, при Томской Семинаріи.

ГОДЪ 15 Апрѣля 1884 года. ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Указъ.—II. Епархіальное распоряженіе.

Указъ Св. Синода, Преосвященному Владиміру, Епископу Том- скому и Семипалатинскому.

*О преподаніи Священно-служителямъ наставленій относи-
тельно проповѣдей по поводу общественныхъ событій, или
кончины общественныхъ дѣятелей.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли разсужденіе о томъ, что нѣкоторые священники, въ особенності изъ городскаго и столичнаго духовенства, а также изъ состоящаго при учебныхъ заведеніяхъ, при произнесеніи проповѣдей по случаю разныхъ общественныхъ событій, особливо же по случаю смерти лицъ извѣстныхъ общественною или литературною дѣятельностію, не всегда съ должною сдержанностію и разборчивостію касаются сей дѣятельности и соблюдаютъ достоинство подобающее служителю церкви, говорящему отъ ея имени. Приказали: Святѣйшій Синодъ, обсудивъ съ должнымъ тщаніемъ способы къ предупрежденію погрѣшительнаго дѣйствованія священниковъ при исполненіи пастырскаго долга проповѣданія, признавъ благовременнымъ и благопотребнымъ поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ 1) преподавать подвѣдомымъ имъ священно-служителямъ слѣдующія наставленія: а) Духовнымъ пастырямъ

надлежитъ твердо памятовать, что они поставлены быть учителями Св. Вѣры Христовой, сокровищницею коей служатъ слово Божіе и Св. Православная Церковь; изъ сего чистаго и животворнаго источника пастырь долженъ почерпнуть и основанія, и руководительныя начала для своихъ поученій, послѣдуя Св. Апостолу Павлу, *яко отъ чистоты, яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ* проповѣдавшему (2 Кор. 2, 17), и полагая цѣлю проповѣди назиданіе, духовное усовершеніе и спасеніе пасомыхъ. б) Тѣ же требованія обязательны для пастыря, когда ему, по званію духовнаго руководителя словеснаго стада Христова, належитъ нужда поучать по поводу какихъ либо общественныхъ событій, или кончины общественныхъ дѣятелей. Въ сихъ случаяхъ служитель Православной Церкви долженъ касаться явленій общественной жизни не иначе, какъ съ православно-христіанской точки зрѣнія и съ единственною цѣлю назиданія по слову Божію и церковному преданію. При ихъ свѣтѣ проповѣдникъ можетъ и долженъ указывать въ совершившихся событіяхъ пути Всеблагаго Промысла, знаменія милости и правды Божіей, и направлять умы и сердца своихъ слушателей къ благодарной молитвѣ, упованію и терпѣнію въ скорбяхъ, покаянію и нравственному исправленію. Изъ жизни скончавшихся согражданъ онъ долженъ заимствовать для своей проповѣди только такія черты душевныя и дѣянія на пользу общую, кои сообразны съ требованіями Закона Божія и могутъ служить примѣромъ для подражанія, уроками для каждаго *достойно ходити званія* (Еф. 4, 1) своего, поучительными опытами преспѣянія въ вѣрѣ и благочестіи, честнаго и самоотверженнаго труда во благо ближнихъ и отечества. Образцы для сихъ поученій проповѣдникъ найдетъ въ достоподражаемыхъ твореніяхъ великихъ вселенскихъ учителей Св. Василия Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоуста, Амвросія Медиоланскаго, а также въ писаніяхъ отечественныхъ церковныхъ витій, Св. Димитрія Ростовскаго, Митрополита Филарета, Архіепископа Димитрія Херсонскаго, Епископа Иннокентія Пензенскаго и другихъ.

в) Но пастырь церкви нарушитъ свой долгъ, если въ своей проповѣди выступитъ судіею общественныхъ дѣлъ и явленій не по разуму Богопреданнаго ученія, хранимаго Церковію, а по мудрованію человѣческому, по духу своего вѣка, явится непризваннымъ истолкователемъ полезнаго значенія ихъ не для внутренняго духовнаго человѣка, а для внѣшняго, плотнаго, или для временныхъ, житейскихъ цѣлей, если при оцѣнкѣ умершихъ общественныхъ дѣятелей не воздержится отъ *льстивыхъ словесъ* (2 Петр. 2, 3), отъ потворства господствующимъ въ обществѣ направленіямъ, вкусамъ и мнѣніямъ, суетнымъ и чуждымъ духа христіанскаго, уничтожая чрезъ сіе, въ своемъ лицѣ, достоинство церковной проповѣди и дѣлая ее предметомъ пререканій, къ смущенію, а иногда и къ соблазну благочестивыхъ слушателей. 2) Внушать сіи наставленія священно-служителямъ, особливо въ столицахъ и городахъ, гдѣ чаще представляются къ сему случаи и гдѣ молодые священники, а иногда и законоучители учебныхъ заведеній, бываютъ склонны увлекаться преходящими и случайными мнѣніями и впечатлѣніями, воспринимаемыми въ средѣ волнующагося общества. 3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда усмотрѣно будетъ въ проповѣдникахъ нарушеніе должной мѣры, недостатокъ сдержанности и благоразумія, обязывать ихъ представлять свои проповѣди на просмотръ прежде ихъ произнесенія. Для надлежащаго по сему исполненія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: о вышеизложенномъ дать знать всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ печатными указами. Декабря 7 дня 1883 года.

Подлинный указъ подписали: Оберъ-Секретарь Алексѣй Полонскій, Секретарь Корнелій Ушаковъ.

ЕПАРХІАЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ.

По постановленію Консисторіи, утвержденному Его Преосвященствомъ 6 сего марта, между прочимъ заключено: Объявить благочиннымъ Томской епархіи чрезъ припечатаніе въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», чтобы они неуклонно

наблюдали за тѣмъ, чтобы временно допущенные къ исправленію должности псаломщиковъ лица тотчасъ, по окончаніи назначеннаго срока или до окончанія, входили прошеніями къ Его Преосвященству съ надлежащими свидѣтельствами объ отсрочкѣ или утверженіи себя на занимаемыхъ ими мѣстахъ; въ противномъ случаѣ отказывать имъ отъ должности и доносить о томъ къ свѣдѣнію Консисторіи.

ЕПАРХІАЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ

Дозв. цензурою. Томскъ, 5-го Апрѣля 1884 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Къ вопросу о состояніи единовѣрія въ Сибири. — II. Записки миссіонера.

КЪ ВОПРОСУ О СОСТОЯНІИ ЕДИНОВѢРІЯ ВЪ СИБИРИ.

Первая попытка сближенія старообрядцевъ съ православною церковью была сдѣлана во второй половинѣ прошлаго столѣтія раскольниками Стародубья. Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, старообрядческій монахъ Никодимъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ Стародубьѣ, сталъ хлопотать о возсоединеніи раскольниковъ Стародубья съ православною церковью на началахъ особой церковной организаціи, подъ управленіемъ отдѣльнаго епископа или, точнѣе, хорепископа, подчиненнаго вѣдѣнію Св. Синода. Условія возсоединенія, изложенныя въ 12 пунктахъ и представленныя Никодимомъ кн. Потемкину 28 апрѣля 1783 года, должны были составить основаніе «согласія.» Въ дарованіи отдѣльнаго епископа старообрядцамъ было отказано; имъ даны были только «благословенные» священники. Съ 1783 г. по 1800 г. единовѣріе распространилось въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи: въ Новороссіи, на Иргизѣ, на Дону, у Керженца, въ Казани, въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ; но оно имѣло тогда только частное значеніе—для старообрядцевъ одной какой либо мѣстности. Только въ началѣ текущаго столѣтія единовѣріе получило окончательное утвержденіе и опредѣленное устройство, общеобязательное для «согласниковъ» во всей Россіи. Тѣ начала, по которымъ должно было устроиться съ тѣхъ поръ дѣло единовѣрія, выражены въ 12 пунктахъ резолюціи митрополита Платона на прошеніе Московскихъ старообрядцевъ, 12 ноября 1799 года. Составленныя митрополитомъ Платономъ правила единовѣрія, вмѣстѣ съ его мнѣніями по этому предмету, 27 октября 1800 года получили Высочайшее утвержденіе. Правила эти легли въ основу послѣдующихъ правительственныхъ распоряженій по единовѣрію.

По плану Никодима, поддержанному его свѣтскими покровителями, конечною цѣлью предпринятаго имъ дѣла «согласія» ставилось совершенное соединеніе въ будущемъ старообрядцевъ съ православіемъ, хотя Никодимъ и вынужденъ былъ тщательно скрывать эту цѣль предъ старообрядцами, чтобы не лишиться ихъ довѣрія. Впослѣдствіи взгляды на единовѣріе, какъ на переходную только церковь, рѣзко были высказываемы въ печати. Условія возникновенія и дальнѣйшаго развитія дѣла «согласія» не могли быть благопріятными для его успѣховъ среди раскола. «Единовѣріе не было органическимъ продуктомъ исторически развившагося тяготѣнія всей массы раскола къ православной церкви, но явилось *случайно*. По своему происхожденію незрѣлый плодъ «политики» свѣтскихъ властей и церковнаго снисхожденія съ одной стороны и совершенно *частнаго* стремленія нѣкоторыхъ дѣятелей раскола къ примиренію съ церковью—съ другой, единовѣріе родилось уже съ плохими задатками успѣшности въ предстоящей своей жизни (*).

Есть мѣстности, въ которыхъ единовѣріе не только не служитъ ступенью къ соединенію старообрядцевъ съ православною церковью, а, напротивъ, благопріятствуетъ усиленію раскола. Въ такомъ положеніи единовѣріе находится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири. При рѣдкомъ населеніи Сибири и православные приходы простираются здѣсь часто на очень большія разстоянія; единовѣрческіе же приходы страдаютъ еще большею разбросанностью. Такъ въ Тюменскомъ округѣ, Тобольской губерніи, находится одинъ только единовѣрческій храмъ въ самомъ городѣ Тюмени и одинъ священникъ при немъ; между тѣмъ прихожане этого храма разбросаны по всей западной половинѣ Тюменскаго округа, гдѣ пять, гдѣ десять, семействъ (**). При такомъ положеніи прихода священнику не представляется возможности оказывать постоянное пастырское вліяніе

*) *Лебедевъ*. Расколъ и единовѣріе. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» за 1883 г., № 56, стр. 1.

**) Церковно-Общественный Вѣстникъ за 1883 г., № 162, стр. 5—6; корресп. изъ Тюменскаго округа, Тоб. губ. (по вопросу объ единовѣріи).

на своихъ пасомыхъ. Отдѣленные большими пространствами отъ своего священника, единовѣрцы предпочитаютъ обращаться со своими духовными нуждами къ старикамъ—однодеревенцамъ. Матеріальныя выгоды, получаемыя послѣдними за удовлетвореніе духовныхъ нуждъ просителей, вызываютъ конкуренцію, вслѣдствіе которой между стариками и старухами выдѣляются нѣкоторыя лица, какъ наставники и наставницы. Естественно, что матеріальные интересы заставляютъ такихъ лицъ упрочивать за собой свое выгодное положеніе и свое вліяніе на остальныхъ единовѣрцевъ, которыхъ они и стараются отвлечь отъ церкви. Такимъ образомъ подъ покровомъ единовѣрія расколъ растетъ и крѣпнетъ, угрожая обращеніемъ не только единовѣрцевъ, но и православныхъ, среди которыхъ скрытая пропаганда стариковъ и старухъ имѣетъ немалый успѣхъ (*).

Въ такомъ же положеніи единовѣріе находится и въ Томской епархіи. Введеніе единовѣрія здѣсь относится къ половинѣ 30-хъ годовъ. Первый епископъ Томскій Агапиль, съ самаго начала своего управленія епархіей, обратилъ серьезное вниманіе на мѣстныхъ старообрядцевъ. Узнавъ, что старообрядцы Томской губерніи испрашивали чрезъ своего повѣреннаго Кетова у Пермскаго епархіальнаго начальства для себя единовѣрческаго священника Павла Вавилова, онъ въ апрѣлѣ 1835 г. вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ Преосвященнымъ Аркадіемъ, архіепископомъ Пермскимъ и Верхотурскимъ. Въ іюнѣ того же года, Преосвященный Агапиль отнесся къ архіепископу Аркадію съ просьбой о присылкѣ въ Томскъ, чрезъ священника Павла Вавилова, антимиаса древяго освященія для предположенной къ постройкѣ единовѣрческой церкви. Въ слѣдующемъ году Преосвященный еще дѣятельнѣе занялся вопросомъ объ единовѣрії. Въ мартѣ 1836 года онъ отправилъ полууставными буквами «Братолюбное посланіе ко всемъ Томскимъ старообрядцамъ» чрезъ единовѣрца, Томскаго мѣщанина Петра Хайдукова, предписать присутствующему Бар-

(*) Тамъ же, стр. 61.

наульского духовнаго правленія благочинному, Петру Васильеву, совмѣстно съ названнымъ мѣщаниномъ, увѣщавать по деревнямъ старообрядцевъ, особенно поповщинскаго согласія, присоединиться къ православной церкви или, по крайней мѣрѣ, принять единовѣріе и причислиться къ приходу имѣвшей скоро строиться въ Томскѣ единовѣрческой церкви. «Такое особое и экстренное приглашеніе къ нимъ»—говорится въ предписаніи Преосвященнаго благочинному Петру Васильеву—«для того оказалось нужнымъ, что развратитель, извѣстный Максимовъ, увѣщавалъ, какъ сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, многихъ старообрядцевъ хотя къ единовѣрческой церкви, но совсѣмъ не той, которая можетъ быть отъ насъ дозволена токмо на основаніи Высочайше подтвержденныхъ 1800 г. пунктовъ митрополита Платона... Пожелавшихъ обратиться къ православію можно по чину тогда же и присоединить или, составивъ вѣдомость о такихъ, прислать оную при рапортѣ, а пожелавшимъ обратиться токмо къ единовѣрію сказать, пусть выберутъ изъ среды себя довѣренныхъ двухъ и присылаютъ ихъ ко мнѣ, какъ съ довѣріемъ или должнымъ завѣреніемъ, что они имъ во всемъ довѣряютъ, такъ и съ именною полною вѣдомостью, о всѣхъ обратившихся и желающихъ до времени причислиться къ означенной единовѣрческой церкви». Подобное же предписаніе дано было священнику, села Легостаевского, Барнаульского округа, Андрею Киселеву, который, въ своемъ рапортѣ отъ 31 марта 1836 г., доносилъ Преосвященному Агапиту, что онъ читалъ «Братолюбное посланіе» старообрядцамъ по деревнямъ своего и окрестныхъ приходовъ, но что они, безъ общаго своего согласія, не рѣшались присоединиться къ православной церкви, или къ единовѣрческой, и потому собирались для совѣщанія въ дер. Суевыгинскую, Легостаевского прихода, гдѣ у нихъ своя часовня. «Былъ я въ присутствіи полнаго ихъ общества»,—говорится въ рапортѣ—«занимался увѣщаніемъ отъ 16-го по 19 число сего мѣсяца къ присоединенію (къ) той или другой церкви. Между ними не малое волнованіе чинилось. Изъ среды ихъ одни согласны присоединиться къ

Грекороссійской церкви, другіе—къ единовѣрческой церкви, третьи не согласны ни къ которой церкви. Иные же теперь отъ церкви отламываются и нейдутъ на исповѣдь; которые напредъ сего по духовнымъ росписямъ не значились старообрядцами, теперь не хотятъ быть по Грекороссійской церкви. Многіе (*) хотятъ присоединиться къ единовѣрческой церкви. «Есть теперь наша добрая воля и соизволеніе начальства». Потому нѣкоторые нейдутъ на исповѣдь и не даютъ дѣтей крестить; никакъ не можно ихъ убѣдить. И просятъ со униженіемъ отсрочки, дать имъ свободы между собою посоветоваться и потерпѣть до просухи сей весны. Собраться хотѣли въ вышеупомянутую же деревню Суеньгинскую и тогда общаются рѣшиться. Еще осмѣливаюсь Вашему Преосвященству донести, что могъ слышать секретно изъ среды ихъ же наставниковъ, не таящихся отъ меня, яко бы у нихъ есть переписка и ходатель въ городѣ Екатеринбургѣ**). Кто-то имъ общаетъ достать священника Иргизскихъ монастырей, или же какого ни есть бѣжавшаго попа; «рукоположенный, говорятъ, намъ не столь нуженъ и не слѣдуетъ. Или же не будетъ-ли дозволено ихнимъ наставникамъ самимъ отправлять служеніе? Ежели въ семъ случаѣ удовольствія никакого не получимъ, тогда принуждены себѣ за благое избрать къ той или другой церкви прилѣпиться». За симъ ждуть они скорого свѣдѣнія себѣ получить изъ Екатеринбурга, по коимъ обстоятельствамъ, видно, въ нерѣшимости и останавливаютъ болѣе ихніе лжеучители, какъ привыкшіе чиниться предъ своимъ мнимымъ стадомъ, наипаче же ихнія грамотныя дѣвки, которыя болѣе мужчинъ разстраиваютъ своими хитростями и разпространяютъ ложныя свои ученія ради своихъ выгодъ». Несмотря на разныя препятствія, которыя единовѣріе встрѣтило среди раскола, число

(*) По контексту рѣчи видно, что здѣсь разумѣются православные.

***) Изъ разныхъ документовъ видно, что старообрядцы Томской епархіи имѣли частыя сношенія съ Пермскими. На этотъ фактъ указываетъ, между прочимъ, архіепископъ Аркадій въ своемъ отношеніи къ Преосвященному Агапиту отъ 7 мая 1836 г. «Всѣ Сибирскіе старообрядцы—говоритъ онъ—имѣли сношенія и, можетъ быть, еще имѣютъ доселѣ съ Пермскими».

лицъ, пожелавшихъ присоединиться къ нему, было такъ значительно, что уже въ 1836 году представлялась надобность въ нѣсколькихъ единовѣрческихъ храмахъ, которые и предложено было выстроить, кромѣ г. Томска, еще въ нѣкоторыхъ деревняхъ разныхъ округовъ.

Томская Троицкая единовѣрческая церковь выстроена въ 1844 г. на пожертвованія, собранныя преимущественно между православными, какъ видно изъ книги, выданной въ 1841 г. изъ Томской дух. консисторіи на сей предметъ строителю церкви, мѣщанину Петру Поздѣву (*).

Церковныя росписи Томскаго единовѣрческаго прихода показываютъ, что съ самаго начала своего существованія приходъ этотъ простирался на такое большое разстояніе, что не представлялось никакой возможности для постоянныхъ правильныхъ сношеній прихожанъ съ своей церковью. Во время открытія прихода къ нему приписывали, за недостаткомъ единовѣрческихъ церквей, старообрядцевъ изъ отдаленныхъ округовъ Томской губерніи, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ прихожанъ оказались живущими верстъ за 800 отъ Томска, напр. кунцы Сорочкины въ Барнаульскомъ округѣ. Прихожанъ было много; жили они въ разныхъ мѣстахъ разныхъ округовъ и, не бывая, за отдаленностью своего мѣстожителства, сами въ церкви со своими христіанскими нуждами, ставили своего приходскаго священника въ необходимость для посѣщенія ихъ разъѣзжать на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Естественнаго, прихожане не могли своевременно видѣть своего священника иногда въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Хотя въ настоящее время границы прихода, за отчисленіемъ нѣкоторыхъ прихожанъ къ другимъ приходамъ, вымираніемъ ихъ и пр., значительно сужены, сравнительно съ прежнимъ, но и теперь разстоянія, отдѣляющія прихожанъ отъ церкви, еще слишкомъ велики. Въ городѣ Томска прихожане проживаютъ въ настоящее время въ 24

(*) Ремонтируется церковь также на средства православныхъ, какъ видно изъ книгъ, выдаваемыхъ Епархіальнымъ Начальствомъ для записи пожертвованій на этотъ предметъ.

мѣстахъ (*). Они разсѣяны въ округахъ: Томскомъ, Маринскомъ, Кузнецкомъ и въ городѣ Колывани. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ прихожане живутъ большею частью разбросанно, въ разныхъ волостяхъ, селахъ, деревняхъ и заимкахъ. Такъ, въ самомъ городѣ Томскѣ къ единовѣрческому приходу приписано 21 семейство, въ Семилужинской волости, Томскаго округа, 9 семействъ, Ишимской—2, Нелюбинской—11, Спаской—4, Ояшенской—4, Тутальской—30, въ гор. Маринскѣ—2, въ Дмитровской волости, Маринскаго округа,—14, въ Тарсминской волости, Кузнецкаго округа,—48, въ гор. Колывани—5 сем. По исповѣднымъ росписямъ за 1883 годъ прихожанъ муж. пола означено 321, женскаго—226, всего 547. Но эта цифра оказывается чисто номинальной. Изъ тѣхъ же росписей видно, что прихожанъ, никогда не исполнявшихъ христіанскаго долга исповѣди и св. причастія, изъ живущихъ въ г. Томскѣ состоитъ муж. п. 26, женскаго—11, а изъ живущихъ внѣ Томска—муж. п. 158, женск. 116, всего муж. п. 184, женск.—127, за исключеніемъ дѣтей, которыхъ значится по росписямъ муж. п. 27, женск. 31. Не бывшихъ у исповѣди «по нерадѣнію» отмѣчено муж. п. 100, женск. 54. Такимъ образомъ изъ всѣхъ 547 прихожанъ въ 1883 году христіанскій долгъ говѣнія исполнили только 10 человекъ муж. п. и 14 женскаго. Но этотъ годъ нельзя назвать исключительнымъ по слишкомъ малому числу говѣвшихъ прихожанъ. Всѣ не бывавшіе у исповѣди и св. Причастія суть тайные или явные раскольники, а равно и тѣ, которые въ росписяхъ отмѣчены не бывшими «по нерадѣнію», такъ какъ они не исполняютъ христіанскаго долга говѣнія по многу лѣтъ. Въ церковь къ богослуженію прихожане почти вовсе не ходятъ, даже въ такіе великіе праздники, какъ въ св. Пасху, пр. Рождества Христова и т. п. Тѣ же, которые и бываютъ изрѣдка въ своей приходской церкви, одинаково посѣщаютъ и другіе храмы, такъ какъ безразлично относятся къ православію

(*) Сумма разстояній, отдѣляющихъ эти 24 мѣста отъ г. Томска, составляетъ 2430 верстъ и даже болѣе, если взять во вниманіе прихожанъ, живущихъ на разныхъ заимкахъ въ тайгахъ.

и единовѣрію (*). Таинства и обряды, установленные церковью, исполняются самымъ незначительнымъ меньшинствомъ прихожанъ какъ изъ живущихъ внѣ Томска, такъ и въ самомъ Томскѣ, и также преимущественно тѣми, которые безразлично относятся къ единовѣрію и православію. Большинство же прихожанъ, особенно живущихъ внѣ Томска, почти вовсе не исполняетъ христіанскихъ обрядовъ. О рождающихся у нихъ дѣтяхъ они не даютъ знать своему приходскому священнику своевременно, а сообщаютъ во время личныхъ свиданій съ нимъ. Дѣтей крестятъ большею частью только во время посѣщеній своего священника, а такъ какъ посѣщенія эти бывають не часто, то многія дѣти умирають некрещенными. Нѣкоторые прихожане сами крестятъ своихъ дѣтей; въ большинствѣ случаевъ такія дѣти, по свидѣтельству родителей, бывають погружены по обряду безпоповщинской секты. Умирають прихожане безъ напутствованія и, по давнему обычаю, погребаются родственниками безъ отпѣтія. Объ умершихъ также не извѣщаютъ священника своевременно; во время его посѣщеній никогда не просятъ объ отпѣтіи своихъ умершихъ родственниковъ, а ограничиваются только простымъ сообщеніемъ о событіи смерти, которое съ ихъ словъ и записывается священникомъ. Если и нуждаются прихожане въ церкви, то лишь по дѣламъ брачнымъ, потому что вступать въ бракъ приходится б. ч. съ православными, а православные не соглашаются на брачное сожительство безъ благословенія церкви. Вообще же отношенія прихожанъ къ церкви носятъ характеръ чисто формальный и отличаются холодностью. Это и понятно, если принять во вниманіе постоянную ихъ разобщенность съ церковью. Да и вступали они въ общеніе съ церковью изрѣдка безъ всякаго сознанія его необходимости, но или вслѣдствіе брачныхъ связей, или по какимъ нибудь расчетамъ. Многіе изъ сельчанъ приписывались къ единовѣрческому приходу только во избѣжаніе расходовъ на содержаніе своихъ мѣстныхъ церквей

*) Всѣ такіе прихожане принадлежатъ къ семействамъ, которые прежде входили въ составъ православныхъ приходовъ, но съ открытіемъ единовѣрческаго прихода приписались къ нему.

и причтовъ. Нѣкоторые приписывались къ единовѣрїю и теперь держатся его для того, чтобы избѣжать всякаго церковнаго вліянія на свою жизнь. Вообще личный составъ прихожанъ Томской единовѣрческой церкви имѣетъ не маловажное вліяніе на характеръ ихъ отношеній и къ церкви, и между собою. Къ этому приходу приписывали старообрядцевъ разныхъ сектъ, разныхъ мѣстъ, поселенцевъ ссыльныхъ и добровольныхъ, болшею частью лицъ невѣжественныхъ и неграмотныхъ. Всѣ эти лица, разъединенныя между собою по мѣстожительству обширными пространствами, еще болѣе разъединенныя различіемъ понятій и обычаевъ, никогда не имѣли между собою прочной связи. Не имѣя солидарности между собою, они не могутъ чувствовать особеннаго расположенія и къ церкви, такъ какъ видятъ, что членами ея состоятъ лица, которые не одинаковы съ ними по религиозному направленію и обычаямъ и общеніе съ которыми, по ихъ мнѣнію, есть тяжкій грѣхъ. Если же принять во вниманіе, что въ церковь всегда ходили и ходятъ «трубокуры» и «щелотники», то сдѣлается еще болѣе понятною холодность, съ которой единовѣрцы—прихожане относятся къ своей церкви.

Будучи болшею частію неграмотны и невѣжественны, прихожане Томской единовѣрческой церкви никогда не имѣли изъ своей среды псаломщика—«начетчика». Обязанности псаломщика всегда исполняли лица вольнонаемныя изъ поселенцевъ, люди болшею частью низкой нравственности. Дѣло вели они грубо и небрежно, пзмѣняя чтеніе и особенно пѣніе каждый по-своему. Такое исполненіе клиросныхъ обязанностей отталкиваетъ отъ церкви даже прихожанъ, изъ которыхъ многіе перестаютъ вслѣдствіе этого бывать въ ней и предпочитаютъ ходить въ православные храмы; въ средѣ же православныхъ, которыми почти исключительно наполняется теперь церковь во время богослуженья, оно производитъ лишь соблазнъ и недоуразумѣнія.

Такъ какъ прихожане, живущіе внѣ Томска, сами почти никогда не бывають въ своей церкви, то единовѣрческому свя-

щеннику остается только одно средство для пастырскаго надзора за ними—разъезды по приходу. Но для такихъ разъездовъ представляется очень много затрудненій. Чтобы видѣть всѣхъ своихъ пасомыхъ, онъ долженъ въ теченіе года объѣхать пространство не въ одну тысячу верстъ и употребить на поѣздки не одинъ мѣсяцъ. Значительные разъезды священника по приходу требуютъ и значительныхъ расходовъ, для покрытія которыхъ нѣтъ такого источника, кромѣ личныхъ средствъ самого священника, слишкомъ для того недостаточныхъ. Вслѣдствіе этого, мѣста, далеко отстояція отъ Томска и мало населенныя прихожанами, оставались и остаются по долгу не посѣщенными единовѣрческимъ священникомъ, и прихожане въ такихъ мѣстностяхъ вполнѣ предоставляются самимъ себѣ. Да и вообще, посѣщеніе единовѣрческимъ священникомъ прихожанъ, живущихъ внѣ г. Томска, не могутъ быть частыми, потому что священникъ, помимо ограниченности своихъ матеріальныхъ средствъ, стѣсненъ въ этомъ дѣлѣ неблагопріятнымъ отношеніемъ городскихъ прихожанъ къ отлучкамъ изъ города своего священника и выборамъ самаго времени для поѣздки по приходу. Прихожане, живущіе внѣ г. Томска, не принимаютъ никакого участія въ содержаніи церкви и причта. Городскіе же прихожане малочисленны и не имѣютъ достаточно средствъ для этого. Главный источникъ средствъ для содержанія церкви и причта они видятъ въ доходахъ, получаемыхъ во время совершенія церковныхъ службъ, когда церковь наполняется главнымъ образомъ православными. Поэтому, а также и потому, что у нѣкоторыхъ изъ городскихъ прихожанъ случается нужда въ священникѣ, они всегда смотрятъ на поѣздки послѣдняго къ сельскимъ прихожанамъ съ большимъ неудовольствіемъ и даже обидчиво. Не легко выбрать и самое время для поѣздки по приходу. Въ мясоѣды отлучки изъ Томска неудобны для священника въ томъ отношеніи, что въ это время пріѣзжаютъ нѣкоторые изъ прихожанъ съ брачными дѣлами. Иногда обращаются за справками по этого рода дѣламъ, не допускающимъ

отлагательства, причты разных приходоѡ. Въ лѣтнее время поѡздка не можетъ принести большой пользы, потому что народъ бываетъ занятъ полевыми работами. Въ великій постъ бываетъ служба; кромѣ того, въ это время почти всегда испорченный путь, такъ что если поѡздка и можетъ состояться, то лишь непродолжительная, по какой-нибудь ближайшей части прихода. Самое удобное время для поѡздки по приходу Рождественскій постъ. Но въ двѣ—три недѣли Рождественскаго поста, которыя священникъ можетъ употребить на свою поѡздку, онъ успѣетъ посѣтить только сравнительно густонаселенныя мѣста прихода, какъ обыкновенно и бывало. Посѣщались по преимуществу только жители Кузнецкаго округа, Мунгатской, Бачатской, Тарминской и Тутальской волостей. При этомъ священникъ успѣвалъ обыкновенно только окрестить дѣтей, и если вступалъ въ собесѣдованіе съ прихожанами по предметамъ вѣры, то это собесѣдованіе, при утомленіи священника отъ поѡздки и при недостаткѣ времени, не могло быть ни продолжительнымъ, ни достаточно оживленнымъ, чтобы оказаться исполнѣ плодотворнымъ для слушателей. А такъ какъ поѡздка совершается обыкновенно безъ предварительнаго извѣщенія о ней прихожанъ, то многихъ изъ нихъ священникъ можетъ не застать дома. Прихожане, не желающіе видѣться со своимъ священникомъ, всегда могутъ подѣ разными предлогами избѣгать свиданія съ нимъ. При такихъ обстоятельствахъ поѡздка по приходу не можетъ не производить на священника тяжелаго впечатлѣнія, оставляя въ немъ гнетущее чувство недовольства ея результатами и вызывая сознаніе невозможности надлежащаго исполненія пастырскаго долга.

Не послѣднее мѣсто между причинами ненормальныхъ отношеній единовѣрцевъ къ церкви занимаетъ существующій издавна способъ матеріальнаго обезпеченія причта; какихъ-нибудь опредѣленныхъ средствъ для его содержанія нѣтъ и не было. Хотя изъ клировыхъ вѣдомостей за прежніе годы видно, что отъ прихожанъ назначено было жалованье причту,

но его невозможно было собирать за разобщенностью прихожанъ между собою и съ церковью. Причтъ живетъ на доходы, которые бываютъ двоякаго рода: доходы отъ требоисправлений и, такъ называемыя, добротныя даянія. Первая статья доходовъ представляетъ, какъ извѣстно, много неудобствъ не только для единовѣрческаго священника, но и для всякаго приходскаго священника, поставленнаго въ необходимость брать плату за требоисправленія. Этотъ способъ вознагражденія священника за его трудъ представляетъ большой произволъ съ одной стороны самому священнику, съ другой—прихожанамъ. При этомъ могутъ возникать разнаго рода недоразумѣнія, которыя вреднымъ образомъ отзываются на отношеніяхъ между пастыремъ и пасомыми. Для единовѣрческаго священника взиманіе платы за требоисправленія представляетъ еще то очень серьезное неудобство, что старообрядцы считаютъ такое взиманіе грѣховнымъ. Примѣняя къ священнику слова св. Писанія: «туне пріясте, туне и дадите», они ожидаютъ отъ него полной нестяжательности и потому самому скромному вознагражденію священника придають характеръ неблаговидный, компромѣнтирующій въ ихъ глазахъ священника. Что касается до такъ называемыхъ добротныхъ даяній, то въ однихъ случаяхъ они составляютъ предметы самохвальства для какаго нибудь зажиточнаго прихожанина, въ другихъ случаяхъ вызываются желаніемъ «задобрить» священника и такимъ образомъ побудить его къ какому нибудь уступкамъ при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Такихъ же добровольныхъ пожертвованій, которыя вытекали бы изъ признанія заслугъ и нуждъ священника и вообще причта, почти не бываетъ. Существующій способъ матеріальнаго обезпеченія единовѣрческаго причта представляетъ еще одно неудобство, какаго не можетъ быть въ православныхъ приходяхъ. Чѣмъ болѣе лицъ перейдетъ изъ единовѣрія къ православію, тѣмъ, разумѣется, лучше бы для православной церкви. Но для единовѣрческаго священника всякій случай подобнаго перехода есть сокращеніе его собственнаго прихода

и, слѣдовательно, количества его доходовъ (*). Здѣсь интересы причта идутъ въ разрѣзъ съ интересами самой церкви, чего ни въ какомъ случаѣ не должно быть.

Вообще современное единовѣріе въ Сибири и въ частности въ Томской епархіи представляетъ явленіе весьма неутѣшительное. Истинныхъ единовѣрцевъ, готовыхъ подчиняться распоряженіямъ іерархіи, очень немного. Какъ ни велика склонность къ расколу во многихъ православныхъ приходахъ Сибири, но она не можетъ идти въ сравненіе съ склонностью къ нему единовѣрцевъ. За немногими исключеніями, всѣ они явно или тайно держатся раскола. Если единовѣрцы и продолжаютъ еще обращаться къ Епархіальному Начальству съ просьбами объ опредѣленіи къ нимъ какого нибудь священника, то дѣлаютъ это не по сознанію необходимости имѣть его для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, а чтобы прикрывать свою преданность расколу. Отъ этого происходитъ, что единовѣрческіе священники вовсе не пользуются довѣріемъ своихъ прихожанъ и, при всемъ своемъ стремленіи къ сближенію съ ними, встрѣчаютъ съ ихъ стороны лишь холодность и нерасположеніе. Тѣ же единовѣрческіе священники, которые отличаются строгимъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей, иногда подвергаются намѣреннымъ и явнымъ оскорбленіямъ со стороны своихъ прихожанъ; особенно это случается, когда священники заставляютъ ихъ говѣть и причащаться. Опасаясь подчиниться вліянію своихъ приходскихъ священниковъ и черезъ это сблизиться съ православіемъ, единовѣрцы почти вовсе не обращаются къ нимъ, ни со своими духовными нуждами, ни за совѣтами въ дѣлахъ мірскихъ. Большимъ уваженіемъ у нихъ пользуются такъ называемые *дьяки* изъ простого народа, столько же невѣжественные и грубые по своимъ вѣрованіямъ, какъ и ихъ слушатели. Ихъ они во всемъ слушаютъ, предъ ними открываютъ всѣ тайны

(*) Успѣхъ священника въ дѣлѣ присоединенія единовѣрцевъ къ православію всегда навлекаетъ на него неудовольствіе со стороны остальныхъ единовѣрцевъ, въ глазахъ которыхъ такая дѣятельность священника представляется разрушительною, враждебною для старообрядчества.

своей жизни, на ихъ судъ представляютъ свои проступки и житейскія отношенія. При такомъ состояніи единовѣрія, единовѣрческое духовенство испытываетъ всякаго рода непріятности и невыгоды. Строгіе ревнители пастырскихъ обязанностей, не пользуясь ни уваженіемъ, ни довѣріемъ прихожанъ, лишаются всякихъ средствъ къ жизни. Жалованья отъ казны не положено; прихожане же отказываютъ имъ во всемъ. Такимъ образомъ ни чѣмъ не обеспеченное единовѣрческое священство находится между двумя крайностями: требуя съ строгою настойчивостью отъ единовѣрцевъ исполненія ихъ религиозныхъ обязанностей, оно рискуетъ остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни; снисходя же къ слабостямъ прихожанъ и удовлетворяя своевольнымъ ихъ требованіямъ, оно рискуетъ попраť права церкви и законы гражданскіе. Много требуется отъ единовѣрческаго священника твердости духа и самоотверженія, чтобы переносить разныя лишенія и скорби и устоять на высотѣ своего святаго служенія. В. П.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА.

(Окончаніе).

20 февраля служилъ Литургію въ селѣ Верхъ-Ульбинскомъ (оно же Согры), отстоящемъ отъ Устькаменогорска въ 10 верстахъ, гдѣ крестилъ одного киргиза Улановской волости, Устакаменогорскаго уѣзда, *Стыкная*, нареченнаго Теодоромъ.

Жители села Согры, вѣроятно, какъ люди «не цивилизованные», конечно, въ смыслѣ той псевдо-цивилизациі, которая царитъ въ иныхъ нашихъ городкахъ, — иначе, чѣмъ въ Устькаменогорскѣ, отнеслись къ моему предложенію быть воспріемниками юнаго сына Христовой церкви: на это вызвалось вдругъ нѣсколько человекъ, а одинъ согласился даже усыновить новокрещеннаго.

Кстати скажу, что въ Верхъ-Ульбинцахъ я замѣтилъ рѣдкое среди сибиряковъ явленіе: это — большое усердіе ихъ къ посѣщенію храма Божія. Во время нашего служенія церковь была полна народа, съ усердіемъ внимавшаго нашему поученію. Объ усердіи ихъ посѣщать

храмъ мнѣ и посторонніе подтвердили. Не смотря на очень малое число прихожанъ, церковь въ Сограхъ имѣетъ очень приличный видъ какъ снаружи, такъ и внутри. Этимъ она обязана ревности и прилежному усердію мѣстнаго церковнаго старосты.

Въ концѣ февраля, мы съ сотрудиномъ переѣхали въ Семипалатинскъ, съ назначеніемъ меня Епархіальнымъ Начальствомъ Настоятелемъ Тюремной церкви.

Очень рады мы были, что имѣли свою церковь, рады были особенно по тому, что въ странствованіяхъ нашихъ по чужимъ приходамъ, не всегда приходилось получить возможность успокоить и подкрѣпить служеніемъ Литургіи и приобщеніемъ Св. Таинъ, мятущійся среди всякаго рода препятствій и тревоженій, духъ нашъ.

Съ марта до іюня мѣсяца я прожилъ въ Семипалатинскѣ безвыездно, занимаясь изученіемъ Киргизскаго языка, чтеніемъ противумусульманскихъ книгъ, собираніемъ, чрезъ разспросы знающихъ людей, свѣдѣній о Киргизахъ, объ ихъ религіозномъ, нравственномъ, семейномъ и общественномъ положеніи, отношеніи ихъ къ русскимъ и обратно, группируя всѣ эти свѣдѣнія въ моемъ странническомъ дневникѣ, и сплетая по нимъ только пока еще канву для будущей моей трудной работы. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершалъ Богослуженіе въ Тюремной церкви съ произнесеніемъ поученій. По временамъ велись мною бесѣды съ русскими узниками, а однажды довелось бесѣдовать и съ арестованными киргизами. Съ послѣдними бесѣда моя была для меня совершенно неожиданна, и безъ всякаго предварительнаго намѣренія и приготовленія.

Однажды я случайно вошелъ въ большую тюремную камеру, въ которой находилось человекъ до 15 киргизъ. На вопросъ одного изъ нихъ: что мнѣ отъ нихъ нужно? я отвѣтилъ, что законъ христіанскій обязываетъ меня посѣщать всѣхъ заключенныхъ безъ различія вѣры, а потому я и къ нимъ пришолъ побесѣдовать, — спросить ихъ: каково живется имъ здѣсь, гдѣ ихъ семейства, сколько ихъ, скучаютъ ли они о своихъ родныхъ, друзьяхъ, о своихъ аулахъ и широкой, необъятной степи? Получаютъ ли какія либо извѣстія оттуда, и т. п.?

Этими и подобными общими вопросами, я и предполагалъ было

ограничить свое собесѣдованіе съ киргизами. Но вдругъ одинъ изъ нихъ говоритъ мнѣ, что русскіе заключенные, получая подаваніе для всѣхъ узниковъ, дѣлятся имъ несправедливо, оставляя большую часть для себя и отдавая Киргизамъ меньшую, — и что позволяетъ ли такъ дѣлать намъ христіанскій законъ? На это я сказалъ, что если русскіе заключенные и дѣлаютъ такъ, то, вѣроятно потому, что ихъ значительно больше числомъ, нежели киргизъ, — но что если они дѣйствительно утаиваютъ подаванія, то это совершенно противно закону христіанскому, повелѣвающему, напротивъ, любить даже враговъ своихъ, платить за зло добромъ и дѣлиться послѣднимъ имѣніемъ съ неимущими, къ какой бы вѣрѣ или народности таковыя ни принадлежали. Киргизы слушали мое слово съ напряженнымъ вниманіемъ, видя которое, я невольно увлекся, забывъ все предостереженія и совѣты и началъ подробно рассказывать и изъяснять заповѣдь Спасителя о любви къ ближнимъ, при чемъ рассказалъ притчу о милосердіи Самарянинѣ. Вниманіе слушателей было необыкновенно большое. Слова мои переводилъ одинъ изъ заключенныхъ же киргизъ, переводилъ толково и оживленно, чѣмъ вызывалъ у слушающихъ то вздохи, то восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ: «никогда и ничего подобнаго мы неслыхали про русскую вѣру!...

Какія хорошія слова говоритъ этотъ мулла (священникъ)!.. Онъ такъ учитъ, какъ учитъ здѣшній Ахунъ!» (*) Видя усердіе киргизъ къ слушанію моего слабаго, но искренняго слова, я просилъ у нихъ позволенія еще побывать для взаимной бесѣды, и они, низко кланаясь и благодаря за настоящую бесѣду, просили приходить къ нимъ, когда я пожелаю. Но, къ великому моему прискорбію, визитъ этотъ мой къ заключеннымъ въ тюрьмѣ киргизамъ былъ первый и вмѣстѣ послѣдній, такъ какъ я потомъ получалъ нѣсколько новыхъ предостереженій отъ г. Губернатора быть крайне осторожнымъ, т. е. опять же абсолютно безгласнымъ, что я и вынужденъ былъ дѣлать.

Въ концѣ мая Семипалатинскъ посѣтилъ Начальникъ миссій, Преосвященный Викарій Владиміръ, Епископъ Бійскій, обозрѣвавшій епархію; Владыка служилъ во всѣхъ церквахъ города и, какъ всегда

*) *Ахунъ* — старшее духовное лицо у мусульманъ, въ родѣ нашихъ уѣздныхъ Протоіереевъ или благочинныхъ.

и вездѣ, произвелъ на общество самое отрадное впечатлѣніе своимъ величественнымъ служеніемъ, поученіями и отеческою простотою обращенія.

Съ іюня до сентября я совершалъ поѣздки по казачьимъ поселеніямъ, расположеннымъ по теченію р. р. Нарыма, Бухтармы и Иртыша, съ цѣлію, посредствомъ разспросовъ и личныхъ наблюденій, подыскать мѣсто, удобное для стана Киргизской миссіи, откуда можно было бы, хотя со временемъ, открыть миссіонерскія дѣйствія, такъ какъ въ Семипалатинскѣ и его ближайшемъ районѣ рѣшено было не начинать евангельскую проповѣдь.

Во время поѣздокъ моихъ по казачьей линіи, я вынесъ убѣжденіе, что казаки не могутъ похвалиться ни религіознымъ настроеніемъ, ни чистотою нравовъ, ни трудолюбіемъ.

Противоположныя же этимъ качества въ избыткѣ замѣчаются во всѣхъ проявленіяхъ жизни сихъ (христіановѣческихъ) воиновъ. Религіозный индифферентизмъ казаковъ просто поражаетъ наблюдателя.

Поэтому и киргизы, находящіеся у нихъ въ работникахъ, ничего добраго не могутъ у нихъ позаимствовать. Последнее подтверждается тѣмъ грустнымъ, повсемѣстно отмѣчаемымъ здѣсь фактомъ, что киргизъ, прослуживши у казаковъ десятки лѣтъ, неимѣетъ нисколько склонности къ принятію христіанства, хотя въ тоже время самъ онъ не держится рѣшительно никакой вѣры. Трудно представить себѣ болѣе индифферентнаго по отношенію къ религіи чловека, какъ киргизъ, служащій у казаковъ!

Недавая ничего добраго для подражанія киргизу, казакъ, взамѣнъ того, не мало самъ заимствуетъ у киргиза. Вы увидите на казакѣ киргизскую шапку, которую онъ и въ комнатѣ рѣдко снимаетъ, киргизскій халатъ или бешметъ (архалунъ). Киргизскій языкъ казакъ знаетъ въ совершенствѣ, и, что всего страннѣе, киргизскій языкъ звучитъ не только въ разговорѣ казаковъ съ киргизами, хотя бы знающими русскій языкъ, но и между собою, даже въ средѣ семейства, гдѣ шестилѣтній казаченокъ уже свободно болтаетъ по киргизски, равно какъ и научается джигитовать на конѣ, не зная въ то же время главнѣйшихъ молитвъ и часто не умѣя перекрестить лба.

Поднимаясь вверх по р. Бухтармѣ, я посѣтилъ *Берель*, послѣднюю русскую деревню на здѣшней Китайской границѣ. Деревня эта населена русскими крестьянами, изъ которыхъ большая половина раскольниковъ. Изъ жителей этой деревни обращаетъ на себя вниманіе крестьянинъ Василій Бѣлоусовъ, — назадъ тому двадцать лѣтъ бывший раскольниковъ, но потомъ самъ, чрезъ чтеніе старопечатныхъ же книгъ, уразумѣвшій всю ложность мнимаго старообрядчества, и затѣмъ обратившійся и всѣхъ своихъ родныхъ обратившій въ Православіе. Теперь онъ уже старикъ, всегда сидящій за «старою» книгою, и изрѣченіями изъ этой книги, любимой и почитаемой раскольниками, поражающей и посрамляющей противниковъ церкви Божіей, какъ бы собственнымъ же ихъ оружіемъ.

Въ деревнѣ Берель, изъявили желаніе креститься два брата киргиза, Чингизтайской волости, Абдыльда и Абдреке. Первый изъ нихъ ослѣпъ въ прошлый годъ отъ оспы. Видя въ этомъ наказаніе Божіе за грѣхи, Абдыльда, съ глубокимъ чувствомъ смиренія и особенно твердой искренней вѣрой принималъ св. крещеніе, которое надъ нимъ и надъ его братомъ совершено было въ бурной рѣкѣ Бухтармѣ, съ особенною торжественностію.

Несмотря на ненастную погоду, вся Берель вышла къ мѣсту крещенія. Православные стояли возлѣ самаго берега, киргизы нѣсколько поодаль, а раскольники выглядывали изъ-за деревьевъ. Въ концѣ священнодѣйствія крещенія сказано было поученіе новокрещеннымъ о возрожденіи ихъ къ этомъ таинствѣ и благодатной помощи, получаемой ими для жизни христіанской въ таинствѣ муропомазанія. Берельцамъ было говорено о дѣлахъ милости духовной и тѣлесной, которыя они должны оказывать новопросвѣщеннымъ своимъ собратамъ по вѣрѣ.

Живя въ такомъ далекомъ захолустьѣ и никогда не видя никакого духовнаго торжества, Берельцы были замѣтно рады и довольны видѣннымъ и слышаннымъ въ этотъ день.

— «Если бы былъ у насъ священникъ, говорили нѣкоторые изъ нихъ, и чаще бы намъ рассказывалъ Слово Божіе, то не было бы между нами раскольниковъ»,

Новокрещенныхъ я оставилъ на попеченіи благонадежнѣйшихъ православныхъ христіанъ этой же деревни.

Отъ холодной Берели, окруженный исполинскими горами, съ вѣчными снѣгами на ихъ вершинахъ (бѣлки), мы спустились внизъ по Иртышу до г. Павлодара, на разстояніи, по почтовому тракту, около 900 верстъ.

По совѣту нѣкоторыхъ семипалатинцевъ, мнѣ надо было побывать въ поселкѣ Ямышевскомъ, близъ Павлодара, населенномъ, какъ намъ передавали, «новокрещенными» киргизами. Оказалось, по свѣдѣніямъ, мною на мѣстѣ собраннымъ, что въ первую четверть настоящаго столѣтія въ киргизской степи свирѣпствовалъ жестокой голодъ, и киргизы, дабы небыть свидѣтелями мучительной голодной смерти своихъ дѣтей, продавали ихъ за пудовку хлѣба русскимъ, которые выростили ихъ, а затѣмъ крестили, нѣкоторыхъ изъ нихъ поженили на русскихъ, и вотъ дѣти-то и внуки этихъ киргизъ и составляютъ значительное большинство теперешняго населенія казачьяго поселка Ямышевскаго.

Движенія къ принятію христіанства между киргизами, кочующими вокругъ Ямышева, нѣтъ никакого, и если и бываютъ единицы крещеній, то, какъ и вездѣ по казачьей линіи, смежной съ киргизскою степью, очень рѣдко. Ямышевскіе казаки, какъ просвѣщенные св. крещеніемъ потомки бывшихъ киргизовъ, казалося, могли бы благопріятно повліять на своихъ единоплеменниковъ — магометанъ, въ дѣлѣ ихъ обращенія къ вѣрѣ Христовой, но, къ сожалѣнію, не только этого незамѣчается, но, напротивъ, и по моимъ наблюденіямъ, и по отзывамъ знающихъ людей, сами ямышевцы нуждаются въ особомъ миссіонерѣ, для утвержденія ихъ въ мало знакомой имъ и совершенно игнорируемой ими христіанской религіи.

По совѣту преосвященнаго Владиміра, я, въ августѣ мѣсяцѣ, поѣхалъ въ казачій поселокъ *Буконь*, гдѣ преосвященный уже бывалъ въ проѣздъ свой по епархіи, и рекомендовалъ мнѣ обратить на этотъ поселокъ особое вниманіе.

Въ пос. Буконь, отстоящій отъ г. Кокпектовъ въ 20 верстахъ, я проѣхалъ Киргизскою степью по р. Чару, вѣя тракта.

По дорогѣ мы лошадей перемѣняли и ночевали въ Киргизскихъ

аулахъ, обильно разбѣянныхъ по здѣшнимъ богатымъ подножнымъ кормомъ для скота долинамъ. Здѣсь я увидѣлъ, что домашняя жизнь степныхъ киргизовъ совершенно противоположна жизни нашихъ алтайскихъ кочевниковъ. Чистоту и опрятность киргизовъ можно поставить въ примѣръ грязнымъ и нечистоплотнымъ алтайцамъ. Вся вообще внѣшняя обстановка быта киргизъ уже показываетъ значительную степень ихъ цивилизованности: самоваръ, хорошій фарфоровый чайный сервизъ, ножи, вилки, порядочная въ русскомъ вкусѣ посуда предложены были къ нашимъ услугамъ гостеприимными номадами. По киргизскому обычаю, для насъ, какъ почетныхъ гостей, заколотъ былъ баранъ для ужина, отъ котораго я, впрочемъ, отказался, что вызвало у хозяевъ большое сожалѣнiе. Юрту для меня выстлали бухарскими коврами, поверхъ которыхъ постлали сначала ситцевыя одѣяла, а на нихъ—шелковыя; за свину подложили пуховыя подушки.

Всѣ это дѣлалось съ любезною предупредительностію, но что всего больше меня удивило, — это отсутствiе у видѣнныхъ мною киргизъ всякой робости, а менѣе боязливости, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей. Всѣ они знали, что я Священникъ (хотя не знали моего миссіонерскаго назначенiя), — однакожъ, никто изъ нихъ отнюдь не стѣнялся никогда невиданнымъ имъ гостемъ, каковъ русскій Священникъ. Женщины толпою обружили меня, съ любопытствомъ разсматривая мою рясу, безцеремонно брали её въ свои руки, любовались швами, шитыми машиною. Шитье машинное онѣ сейчасъ отличили отъ ручнаго и восхваляли его. Дѣти, одинъ передъ другимъ, суетились и хлопотали около меня, и смѣло, бойко отвѣчали на мои вопросы. Нѣкоторые изъ нихъ показывали мнѣ свое письмо киргизской грамоты, по татарскому алфавиту.

Меня весьма удивило то, что въ каждомъ аулѣ, состоящемъ хотя бы изъ 10—15 юрть, непременно имѣется учитель, который исполняетъ у нихъ и должность муллы. По этому то въ киргизской степи, въ каждомъ аулѣ, нерѣдкость встрѣтить нѣсколькихъ грамотныхъ киргизъ.

Все вышеизложенное ясно свидѣтельствуетъ, что киргизы уже далеко не свирѣпые дикари, какими они были много лѣтъ назадъ,

а доверчивое и дружелюбное отношеніе ихъ къ представителю Христіанской религіи, лично испытанное мною, показываетъ, что они вовсе не такіе суровые фанатики, какими стараются обрисовать ихъ нѣкоторыя лица, пытающіяся доказать, что Христіанство уже «опоздало» съ своею проповѣдью среди омусульманившихся и проитанныхъ будто бы изувѣрствомъ вынѣшнихъ киргизъ. Намъ кажется, что, напротивъ, замѣченныя нами добрыя качества киргизъ могутъ послужить благопріятною основою для будущаго сѣянія среди нихъ Слова Божія. Само собой разумѣется, что мы объ этомъ высказываемъ лишь только свое *мнѣніе*, основанное на недолгомъ нашемъ наблюденіи.

Наконецъ я прибылъ въ *Буконь*. Поселокъ этотъ окруженъ съ трехъ сторонъ киргизскими кочевьями, а съ четвертой (на разстояніи, какъ сказано, 20 верстъ) маленькимъ безузднымъ городкомъ Кокчектами, вмѣщающемъ въ себѣ, кромѣ русскихъ обывателей, нѣсколько семействъ татаръ съ мечетью.

Буконскіе казаки представляютъ собою контрастъ со всѣми, доселѣ видѣнными мною сибирскими казаками: истинное и широкое гостепріимство, почтительность, необыкновенное трудолюбіе, а отсюда во всемъ и почти у всѣхъ достатокъ, усердіе къ посѣщенію храма Божія, набожность и вообще религіозный складъ ихъ жизни, — вотъ что я не могъ не видѣть, къ моему утѣшенію, въ добрыхъ Буконцахъ, проживъ у нихъ нѣсколько дней.

Во время литургіи здѣшній маленькій молитвенный домъ не могъ вмѣстить въ себѣ и третьей части собравшихся помолиться: двѣ трети ихъ стояло въ церковной оградѣ. Какъ въ этотъ день, такъ и на завтра, вилоть до вечера, я служилъ, по просьбѣ Буконцевъ, медебны для нихъ, — то на площади, то на рѣкѣ, то по домамъ. Я былъ пріятно пораженъ такимъ необыкновеннымъ ихъ усердіемъ и молитвеннымъ расположеніемъ въ такой глуши, среди однихъ киргизовъ!.. Вѣрно, и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего православнаго царства, даже при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, нѣтъ недостатка въ истинныхъ рабахъ Божіихъ!..

Въ бесѣдахъ съ Буконцами, похваливъ ихъ христіанскую жизнь, я выразилъ свое удивленіе, что въ Букоини нѣтъ ни одного кре-

шеннаго изъ киргизъ, когда кругомъ и среди ихъ, въ качествѣ, напри- мѣръ, работниковъ и пастуховъ, одни только киргизы. Мнѣ отвѣ- чали, что на это они «ненадоумились», и что кромѣ того, были среди нихъ одинъ киргизъ и одна киргизка, два года безуспѣшно хлопотавшіе о своемъ крещеніи, и затѣмъ, возвратившіеся опять въ степь къ роднымъ, недождавшись исполненія своего желанія, встрѣтившаго преграду въ разныхъ необходимыхъ формальностяхъ.

Имѣя въ виду такіе и подобные факты, и, кромѣ того, бли- зость здѣсь киргизскихъ кочевьевъ, а главное—добрые примѣры доброй христіанской жизни буконцевъ для будущихъ прозелитовъ, и высказавъ жителямъ Буконя мое намѣреніе, если Господь благо- словить, основать въ ихъ поселкѣ свой станъ. Несказанно обра- довались Буконцы моему заявленію, и тотчасъ же обѣщались все- чески помогать мнѣ въ дѣлѣ обращенія киргизъ къ Христіанской вѣрѣ и утвержденія въ ней новообращенныхъ и, чтобы тутъ же засвидѣтельствовать фактически свое усердіе, они въ тотъ же день уговорили ко крещенію одного киргиза, въ которомъ замѣчали дав- нишнюю склонность къ христіанству.

Киргизъ этотъ оказался хорошо знающимъ по русски и весьма толковымъ малымъ. Послѣ огласительнаго приготовленія и наученія его первоначальнымъ молитвамъ, мы окрестили киргиза, съ име- немъ *Трифона*, въ водахъ р. Букони, при собраніи всѣхъ Букон- скихъ жителей. Примѣру этого новаго сына Церкви Христіанской хотѣли было послѣдовать еще два киргиза, но отложили исполне- ніе своего намѣренія до слѣдующаго года, пока, тѣмъ временемъ, выучатся русскому языку. Нашего же совѣта принять нынѣ св. крещеніе, для котораго прежде и главнѣе всего необходима вѣра во Христа,—киргизы непослушались. Видно, еще не пробилъ для нихъ часъ воли Божіей.

Когда я замѣтилъ Буконцамъ, что всегдашняя привычка ихъ объясняться съ своими работниками на киргизскомъ языкѣ создала препятствіе въ обращеніи помянутыхъ двухъ киргизъ къ вѣрѣ Хри- стовой, то они тутъ же пообѣщали отнынѣ объясняться съ сво- ими работниками по киргизски только въ крайнихъ случаяхъ. Кромѣ того, они обѣщали и молитвенный домъ свой увеличить,

и школу открыть, лишь бы только мы переѣхали къ нимъ на жительство.

Послѣ крещенія Трифона многіе Буконцы собрались къ нему и наградили его и одеждою, и обувью, и деньгами, а одинъ казакъ взялъ его къ себѣ за сына. Нелѣли чрезъ три, какъ послѣ мнѣ писали, новокрещеннаго Трифона свозили въ Кокпекты, гдѣ онъ говѣлъ, а по возвращеніи его въ Буконь, къ нему опять собрались Буконцы и, поздравляя его съ полученіемъ великаго дара—Св. Христовыхъ Таинъ, одарили его съ избыткомъ деньгами и вещами.

Вотъ рѣдкая христіанская черта, которую не вездѣ и незаурядъ можно встрѣтить между христіанскими обществами вообще, а тѣмъ болѣе между казаками. Чему приписать указанное отличіе въ религіозно-нравственной жизни Буконскихъ казаковъ отъ таковаго же ихъ собратій по жизни, ремеслу, и всѣмъ условіямъ быта,— жителей другихъ казачьихъ поселковъ видѣнныхъ нами? Тому развѣ только, что въ Букони съ самаго начала ея заселенія (*) водворились съ задатками добра и съ благодатнымъ огнемъ вѣры и благочестія въ своихъ сердцахъ, въ такихъ чувствахъ они воспитали дѣтей своихъ, и такимъ образомъ отъ добраго корня пошли, развились и укрѣпились и добрые ростки, разросшіеся теперь въ цѣлое дерево, приносящее и плоды добрые. Паче же всего здѣсь дѣйствовала всесильная благодать Божія, возвращающая и укрѣпляющая въ обществахъ христіанскихъ всякое добро.

Относительно же причинъ религіозной индифферентности и нечистоты нравовъ остальнаго казачества, мы можемъ сказать, что самая служба казаковъ вдали отъ родныхъ людей имѣетъ, въ глухихъ укрѣпленіяхъ и постахъ Киргизской степи и Туркестана, гдѣ имъ приходится вращаться преимущественно среди невѣрныхъ, и гдѣ, за дѣлами службы, рѣдко удастся имъ заняться дѣлами религіи,—самая эта служба, на которой они получаютъ хорошее жалованье и отвыкаютъ отъ семейнаго очага и домашнихъ, и земледѣльческихъ трудовъ,—служить главнѣйшею причиною холодности казаковъ къ вѣрѣ, распушенности нравовъ и лѣности въ трудахъ

(*) Здѣшніе казаки и ихъ отцы въ 40-хъ годахъ переѣхали изъ Бійской линіи въ г. Кокпекты, а отсюда въ 70 году—въ Буконь.

и работѣ, а все это вмѣстѣ поражаетъ, какъ естественное послѣдствіе, разрушеніе ихъ матеріальнаго благосостоянія.

Съ такими мыслями я оставилъ добрый, гостепріимный Буконь, и возвратился въ Семипалатинскъ.

Здѣсь явился ко мнѣ пріѣхавшій изъ Устькаменогорска киргизъ *Сандыбай* для принатія крещенія. Мѣсяць приготавливали мы его ко крещенію, поставивъ себѣ правиломъ не слѣшать, безъ крайней нужды, преподаніемъ этого таинства всѣмъ неофитамъ вообще, какъ для того, чтобы имѣть возможность основательно приготовить ихъ ко вступленію въ нѣдра Церкви Христовой, такъ и для того, чтобы не подать повода къ осужденію насъ нѣкоторымъ мнимымъ ревнителямъ преуслѣнія христіанскихъ миссій, пробовавшимъ даже печатно, но незаслуженно, упрекать насъ въ склонности къ веразборчивому будто бы крещенію киргизовъ, изъявляющихъ принять православіе (*), тогда какъ къ намъ, жившимъ въ Семипалатинскѣ въ продолженіи девяти мѣсяцевъ являлся изъ Семипалатинскихъ киргизовъ только одинъ киргизъ, которому въ крещеніи его мы и отказали, замѣтивъ въ немъ челоуѣка нетрезваго.

Въ продолженіи мѣсяца киргизъ Сандыбай научился сознательно молитвамъ, усвоилъ главныя правила вѣры христіанской, познакомился съ многими обычаями православными, и хорошо запомнилъ нѣсколько разъ читанную ему жизнь его будущаго патрона въ христіанствѣ, преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго.

Познакомившись съ многими Семипалатинскими жителями и увидѣвъ въ ихъ жизни немало христіанскихъ достоинствъ и добродѣтелей, я былъ увѣренъ, что мнѣ не придется уже много хлопотать о пріисканіи воспріемниковъ для новонареченнаго *Сергія*, — въ чемъ и не ошибся. Лишь только я обратился къ аудитуру 2-го линейнаго баталіона, М. Г. Абрамовичу, съ просьбою быть воспріемникомъ, какъ онъ тотчасъ же радушно изъявилъ не только свое согласіе быть воспріемникомъ, но и готовность найти воспріемницу, которую и нашелъ въ лицѣ жены семипалатинскаго купца, О. Ѳ. Поляковой.

Послѣ своего крещенія, новопросвѣщенный Сергій изъявилъ же-

(*). Говоримъ о весьма голословной корреспонденціи изъ Семипалатинска въ 44 № «Восточн. Обзор.».

ланіе учиться русской грамотѣ, которой сталъ обучать его молодой сотрудникъ мой, алтайскій инородецъ, окончившій курсъ въ казанской учительской инородческой семинаріи, С. Г. Тодагоновъ, присланный на должность псаломщика Киргизской миссіи.

Вскорѣ новокрещенный Сергій заявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи сочетаться законнымъ бракомъ съ новокрещенною же киргизскою дѣвушкою Екатериной Ивановой Ковтуновою. Дѣвушка эта крестилась трехъ лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ съ своею матерью, по смерти которой она взята была въ дочери однимъ офицеромъ, нѣкимъ Ковтуновымъ. Въ домѣ послѣдняго, теперь уже покойнаго, Екатерина получила хорошее воспитаніе, научилась правильно грамотѣ, шитью и другимъ женскимъ рукодѣльямъ, и—притомъ на столько хорошо, что, по смерти своего воспитателя, безбѣдно и даже съ избыткомъ содержала себя, свою воспитательницу—старуху и ея сестру. Обладая такими качествами она имѣла выгодныхъ русскихъ жениховъ, просившихъ ея руки, но почему-то отклоняла ихъ предложенія, и наконецъ выборъ ея палъ на новокрещеннаго Сергія, котораго она сама экипировала въ русское платье.

При бракѣ нужны были для молодыхъ, по обычаю, посаженные отецъ и мать, которыми, по моей просьбѣ, съ готовностію согласились быть тѣ же г. Абрамовичъ и г-жа Полякова. Участіе свое къ молодымъ они выразили какъ-бы родные. Г. Абрамовичъ, по свойственной ему христіанской добротѣ, оказалъ молодой помощь всеѣмъ, чѣмъ только могъ. А г. Полякова, послѣ благословенія молодыхъ въ своемъ домѣ, дала для поѣздки ихъ въ церковь свой щегольской экипажъ съ лошадьми. Послѣ же вѣчанія, она въ своемъ домѣ предложила молодымъ и участвовавшимъ въ ихъ свадьбѣ радушную трапезу. Затѣмъ и послѣ брака вниманіе и участіе г. Абрамовича и г-жи Поляковой къ новобрачнымъ не прекращается: они стараются, чтобы молодые не остались безъ работы, а потому приглашаютъ своихъ знакомыхъ отдавать имъ работы, чѣмъ и существуютъ молодые, благодаря труду, удаляясь отъ пагубнаго бездѣйствія, лѣности, и столь обычнаго многимъ въ ихъ положеніи тунелѣдства.

Здѣсь, кстати, я долженъ сказать, что въ продолженіи моего

девятимѣсячнаго пребыванія въ Семипалатинскѣ, я не могъ не замѣтить отсутствіе среди православныхъ семипалатинцевъ той меркантильной, эгоистически-разсчитливой, безчувственной къ нуждамъ и печалямъ ближняго, жизни, которая въ нашъ вѣкъ болѣе и болѣе начинаетъ проявляться въ большей части городовъ русскихъ. Напротивъ, чисто русское гостепріимство, радушіе, христіанское вспомоществованіе человѣку нуждающемуся, — всѣ эти свѣтлыя черты ярко блестятъ въ жизни семипалатинцевъ, въ сердцахъ которыхъ еще непогасъ любвеобильный духъ евангелія и неизсякъ источникъ присущей славянамъ доброты и широкаго радушія.

Чтоже касается лично меня, то я всегда пользовался отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ искреннимъ благорасположеніемъ, вниманіемъ, и ни въ какой просьбѣ, ни отъ кого, никогда, не получалъ отказа. Оставивъ Семипалатинскъ, я сохранилъ о немъ самое пріятное воспоминаніе.

Получивъ разрѣшеніе Пресвященнаго Владиміра, теперь уже Епископа Томскаго и Семипалатинскаго, на переѣздъ съ сотрудникомъ въ Буконь, я предполагалъ было выѣхать изъ Семипалатинска въ началѣ ноября, но обычная моя, въ холодное время, болѣзнь — ревматизмъ позволила мнѣ отправиться въ путь только лишь въ концѣ ноября.

Декабря 11-го я пріѣхалъ въ Буконь.

Буконцы давно меня ожидали, и, узнавъ о постигшей меня въ Семипалатинскѣ болѣзни, молили, по ихъ словамъ, Бога о дарованіи мнѣ здоровья и скорѣйшаго къ нимъ прибытія. Встрѣча мнѣ со стороны этихъ добрыхъ людей была необыкновенно радостная: старыя и малыя, въ продолженіи двухъ дней, приходили ко мнѣ получить благословеніе и изъявить свою искреннюю радость о томъ, что, наконецъ, дождались меня, при чемъ каждый изъ приходившихъ приносили мнѣ и псаломщику муку, рыбу и овощи.

При такихъ, отрадныхъ для меня впечатлѣніяхъ, водворился я въ Букони, въ надеждѣ на всемошное покровительство Многомилостиваго Господа, устрояющаго пути жизни человѣческой и неоставляющаго безъ Своей благодатной помощи смиренныхъ служителей и проповѣдниковъ Его Св. Евангелія.

Вотъ краткій очеркъ первыхъ шаговъ моей дѣятельности въ новорожденной Киргизской миссіи. Необильны плоды этой дѣятельности. Но, Богъ видитъ, что съ моей стороны были приложены все усилія и все способности къ возможно успѣшнѣйшему исполненію возложеннаго на меня дѣла и дѣланія. Были и препятствія къ достиженію сего, но не съ моей стороны.

Такъ, напримѣръ, нерѣшительное, полное боязни и опасеній, отношеніе къ новооткрытой миссіи со стороны семипалатинской областной администраціи или, вѣрнѣе—начальника области, обязавшей меня скрывать свое миссіонерское назначеніе и молчать тамъ и тогда, гдѣ и когда нужно было благовѣствовать,—послужило препятствіемъ въ дѣлѣ христіанской пропаганды среди киргизъ. Но эта боязнь и эти опасенія неосновательны, по нашему мнѣнію и по мнѣнію людей, хорошо знающихъ киргизскій народъ. Напрасно приписываютъ киргизамъ какой-то дикій фанатизмъ въ дѣлѣ религіи, могущій будто-то, вслѣдствіе проповѣди въ степи христіанства, агитировать киргизъ, склонить ихъ къ волненію во имя неприкосновенности ихъ магометанской религіи. По увѣреніямъ лицъ, близко стоящихъ къ киргизамъ, ничего подобнаго быть не можетъ, ибо значительное большинство киргизовъ далеко не столь фанатично и не столь привязано къ магометанству, какъ то воображаютъ иные слишкомъ боязливые опекуны ихъ. Киргизы въ массѣ и нынѣ все еще тѣ же полуязычники и полумагометане, какими они были за пятьдесятъ пять лѣтъ назадъ. Духовенство ихъ, въ большинствѣ, малограмотно, весьма нескільно въ магометанскомъ вѣроученіи и, извѣстное при этомъ своимъ крайнимъ сребролюбіемъ и вымогательствомъ, не пользуется въ народѣ полнымъ авторитетомъ, а потому и не въ силахъ нафанатизировать свою кочевую паству. Смышленность киргизъ, ихъ довѣрчивое отношеніе къ русскимъ, ихъ воспримчивость къ цивилизаціи, природная способность къ изученію русскаго языка и многія другія добрыя качества,—даютъ основаніе надѣяться на успѣшность распространенія между ними христіанства, при условіи, конечно, разумной, внимательной, основанной на евангельской кротости и любви, дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ. Но при этомъ со стороны гражданской адми-

нистраціи необходимо не стараніе скрыть, замаскировать дѣятельность проповѣдниковъ,—истина любитъ свѣтъ, не прячется и не маскируется,—но гласное и широкое покровительство миссіямъ. Безъ этого, руки миссіонеровъ связаны и свѣточъ истинной вѣры скрыть подъ спудомъ, а не поставленъ, какъ подобаеть, на свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ. Бесплодно горѣніе подобнаго свѣтильника, какъ бы самъ по себѣ онъ ни былъ чистъ и ярокъ.

Далѣе, одному миссіонеру, на такомъ обширномъ, какъ необъятная Киргизская степь, попрещъ дѣятельности, невозможно сдѣлать многого, по справедливой пословицѣ: «одинъ въ полѣ не воинъ». Одному человѣку не объять не только своею фактическою дѣятельностію, но и мыслию ни этого обширнаго района, ни его многочисленныхъ насельниковъ. Одинокій дѣятель не многое можетъ сдѣлать въ своемъ микроскопическомъ уголкѣ, хотя бы самъ онъ горѣлъ усердіемъ къ великому своему дѣлу и былъ, при томъ, даже семи надей во лбу.

(Наконецъ нельзя не замѣтить, что содержаніе получаемое нынѣ Киргизскимъ миссіонеромъ, едва-ли можетъ привлечь въ Киргизскую миссію новыхъ охотниковъ; монашествующіе, къ прискорбію, уклоняются отъ миссіонерскаго служенія, въ чемъ я лично увѣрился во время посѣщенія моего нѣкоторыхъ обитателей, въ послѣднюю свою поѣздку въ Россію,—а семейнымъ священникамъ трудно существовать на недостаточное содержаніе, живя въ Семипалатинской области, гдѣ жизнь гораздо дороже, чѣмъ, напр., въ сосѣдней Томской губерніи, а въ особенности въ Бійскомъ ея округѣ; кто же будетъ благовѣствовать киргизамъ Слово Божіе при этихъ условіяхъ)?

Итакъ, православное общество, видя не обильные плоды дѣятельности нашей новой миссии и зная тяжелыя условія ея существованія, пусть не слишкомъ спѣшитъ судить только что возникшую миссію, но пусть молитъ Господа Бога послать на Его ниву добрыхъ дѣятелей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, отъ избытковъ своихъ, пусть усердствуетъ своею матеріальною помощію, отъ которой много зависитъ увеличеніе контингента миссіонеровъ, и немало также и самыя качества и способности идущихъ и принимаемыхъ на это служеніе.

Киргизскій миссіонеръ, Священникъ

Буконъ.

Филаретъ Синьковскій.

Редакторъ М. Соловьевъ.

Цензоръ А. Голубевъ.